

неожиданным именно этот результат исследования, когда такие далекие и непохожие лингвокультуры, как русская и китайская, сошлись в конкретном определенном символе.

На фоне многочисленных декларативных определений «что такое любовь» в словарях и бесконечно множасьихся интерпретаций этих определений в семантических полях [3, с. 169], необходимо актуализировать семантику чэньюев и сделать доступным их содержание для научного знания. Во-первых, потому что они являются законсервированными и семантическими неделимыми единицами языка и культуры, что позволяет узнать более глубокое, древнее значение иероглифа. Во-вторых, чэньюи, кроме стандартных значений, позволяют рассмотреть и нестандартные, о которых не упоминается ни в одном словаре. Чэньюи о любви не декларируют, подобно словарным статьям, «что это», а демонстрируют процедуральную семантику, «почему это состояние, чувство называется любовью и как оно возникает». В словарях представлен результат процесса, тогда как в чэньюях отображен сам процесс.

Литература

1. Кленин, И. Д. Лексикология китайского языка / И. Д. Кленин, В. Ф. Щичко. – М. : Восточная книга, 2013. – 272 с.
2. Корпус текстов Пекинского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=gudai. – Дата доступа: 10.04.2019.
3. Аошуань, Тань. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Тань Аошуань. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.

Внутренняя форма эпидигматического типа

*Ковалева А. И., асп. БГУ,
науч. рук. проф. Ровдо И. С., д-р филол. наук*

Понятие внутренней формы слова (далее – ВФС) в современной лингвистике не получило единой трактовки. Чаще всего ВФС отождествляют с мотивированностью. Поскольку последняя рассматривается как свойство производного слова, при изучении феномена ВФС исследователи обращаются к анализу структурных дериватов. Однако если ВФС расценивать как образ или идею, положенные в основу номинации и имеющие в данном языке словесное выражение [1, с. 48], то возникает необходимость в рассмотрении в качестве единиц, обладающих ВФС, не только структурных, но и семантических дериватов – тех номинативных единиц, которые являются производными от других без изменения формы последних [3, с. 163], то есть ЛСВ, представляющих непрямые значения полисемантов.

Структурная деривация предполагает частичную трансформацию как плана содержания, так и плана выражения производящей единицы, в то время как семантическая характеризуется лишь изменениями в семантике. В связи с этим можно говорить о том, что характер ВФ семантических и структурных дериватов различен. Если в качестве ВФ структурного деривата выступает некоторый компонент словообразовательного гнезда, предшествующий деривату в словообразовательной цепи и вскрываемый в процессе построения номинативного суждения, то для семантического деривата ВФ окажется тот ЛСВ полисеманта, на базе которого был сформирован ЛСВ, ВФ которого выявляется. Таким образом, рационально выделять две группы ВФ: ВФ словообразовательного типа (у структурных дериватов) и ВФ эпидигматического типа (у семантических дериватов).

При отнесении некоторой ВФС к группе ВФ эпидигматического типа необходимо учесть несколько ограничений. Во-первых, поскольку существуют разные типы полисемии, не всякий ЛСВ, представляющий прямое значение полисеманта, будет являться ВФ всех ЛСВ, воплощающих не прямые значения того же полисеманта. Так, в случае радиальной полисемии все производные значения базируются на прямом номинативном, следовательно, ВФ для всех ЛСВ, транслирующих не прямые значения, является ЛСВ, обладающий прямым номинативным значением. При цепочечной же полисемии ВФ каждого вторичного по семантической функции ЛСВ может считаться только тот ЛСВ, который является к нему ближайшим и непосредственно мотивирующим его значение.

Во-вторых, при анализе словарных статей, в качестве заглавной единицы которых выступает структурно производный полисемант, обнаруживаются не только ЛСВ, характеризующиеся ВФ эпидигматического типа, но и такие ЛСВ, которые обладают ВФ словообразовательного типа. Причиной появления последних в структуре полисеманта является множественная деривация, в результате которой смысловая структура производного ЛСВ складывается не столько путем развития исходного значения, сколько вследствие многократных актов деривации от одной и той же производящей основы при помощи формально идентичного форманта [4, с. 85]. Так, отдельные ЛСВ полисеманта гусятница имеют значения 'работница, ухаживающая за гусями' (1) и 'продолговатая посуда с крышкой для жаренья гуся, утки и другой крупной птицы' (2) [2, с. 85]. ЛСВ-1 не может быть признан ВФ ЛСВ-2, поскольку семантика последнего сформировалась не на базе ЛСВ-1, а на основании значения производящего гуся. Аналогичные выводы можно сделать и при характеристике ЛСВ-1. Следовательно, поскольку и ЛСВ-1, и ЛСВ-2 являются структурными дериватами от слова гуся, они оба обладают ВФ словообразовательного, а не эпидигматического типа, несмотря на то, что выступают в качестве ЛСВ одного и того же полисеманта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в качестве ВФ эпидигматического типа не всегда выступает ЛСВ, реализующий первичное значение полисеманта. Кроме того, границы полисемии шире границ эпидигматических ВФ: всякий ЛСВ с эпидигматической ВФ является частью некоторого полисеманта, однако не всякий полисемант обладает эпидигматической ВФ. К ЛСВ в составе полисеманта, не обладающим ВФ эпидигматического типа, относятся:

- 1) ЛСВ, представляющие первичное значение полисеманта;
- 2) ЛСВ – результаты множественной деривации от одной и той же производящей основы.

Литература

1. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 672 с.
2. Касимова, Г. К. О мутационных и модификационных значениях в семантической парадигме субстантивов с суффиксами -ник / -ниц (а) / Г. К. Касимова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. – 2013. – № 1 (25). – С. 119–125.
3. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1988. – 168 с.
4. Соболева, П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. – М., 1989. – 296 с.

Лингвокультурный код «studentship» в современном английском языке

*Коротыш А. В., магистрант ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. Олешкевич Т. А., канд. филол. наук, доц.*

Растущие тенденции создания единого образовательного пространства приводят к необходимости тщательного изучения не только систем образования европейских стран, но и выделения особенностей и закономерностей социокультурных ассоциаций, возникающих в сознании в связи с упоминанием лингвокультурного кода «студенчество». Рассматривая лингвокультурный код «studentship» в рамках английской культуры, нужно принимать во внимание реалии, присутствующие в системе образования этой страны, которые влияют на выражение лингвокультурного кода в языке.

Согласно В. И. Карасику, *лингвокультурный код* – «система взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание» [1, с. 318].